

УДК 32.001
ББК 66
К 125

КАВКАЗ-2007. Ежегодник Института Кавказа. – Ер.: Институт Кавказа, 2009. – 256 с.

- К 125** Пятый выпуск Ежегодника посвящен итогам 2007 г. на Кавказе. В основу сборника легли доклады, сделанные учеными из Азербайджана, Армении, Грузии, Турции, России и США на Ежегодной конференции Института Кавказа в мае 2008 г. Статьи сборника посвящены различным аспектам жизни Южного и Северного Кавказа в 2007 г.; в них отражена общая динамика политических и социально-экономических процессов на Кавказе, описано положение в сфере региональной безопасности, проанализированы перспективы конфликтного урегулирования.

Редактор: **Александр Искандарян**

Редколлегия и справочные материалы: **Нина Искандарян, Сергей Минасян**

Дизайн обложки: студия «*Matit*» / www.matit.am

Верстка: издательство «*Коллаж*» / www.collage.am

The Caucasus 2007. CI Yearbook. – Yerevan, CI, 2009. – 256 p.

The fifth CMI Yearbook sums up year 2007 in the Caucasus based on talks given at the Yearly CI conference in May 2008 by scholars coming from Armenia, Azerbaijan, Georgia, Turkey, Russia and the US. The volume includes analytical papers dealing with various aspects of life in the Southern and Northern Caucasus in 2007. The papers reveal the overall political, economical and social trends in the Caucasus, outline the situation in regional security, and analyze prospects for conflict resolution.

Edited by **Alexander Iskandaryan**

Copy editing and reference material by **Nina Iskandaryan and Sergey Minasyan**

Cover design by *Matit* / www.matit.am

Text layout by *Collage* / www.collage.am

ISBN 978-99941-2-219-6

ББК 66

© Институт Кавказа, 2009 г.

© 2009 by Caucasus Institute

Издание опубликовано при поддержке Швейцарского агентства развития и сотрудничества, Фонда Генриха Бёлля, Фонда Евразия Партнерство и Агентства международного развития США.

The publication of this volume was made possible by the support of the Swiss Development and Cooperation Agency, the Heinrich Böll Foundation, the Eurasia Partnership Foundation and USAID.

РОССИЙСКАЯ ПОЛИТИКА НА СЕВЕРНОМ И ЮЖНОМ КАВКАЗЕ: ИТОГИ 2007 Г.

СЕРГЕЙ МАРКЕДОНОВ

В настоящей статье рассматриваются два аспекта кавказской политики России в 2007 г. (естественно, речь не идет о полной «привязке» к календарному году). Первый имеет отношение к внутренней политике РФ (ситуация в республиках российского Северного Кавказа), второй – к внешней политике (приоритеты Москвы на Южном Кавказе, двусторонние отношения с независимыми признанными ООН и де-факто государствами региона).

2007 г. был для России насыщен новыми вызовами. Здесь и общая дестабилизация социально-политической ситуации в Ингушетии, и укрепление регионального режима Рамзана Кадырова в Чечне, и первая (после Чечни) контртеррористическая операция в Дагестане (село Гимры), и продолжение «разморозки» этнополитических конфликтов на Южном Кавказе (Абхазия, Южная Осетия и Нагорный Карабах). Однако по итогам года можно сделать в целом неутешительный вывод. В 2007 году, как и в предыдущие годы, у России не появилось единой кавказской стратегии, которая бы учитывала взаимосвязь внешней политики страны (участие в разрешении конфликтов, двусторонние отношения с независимыми государствами Южного Кавказа) и безопасности северокавказского региона. По-прежнему политика РФ на кавказском направлении остается дискретной. Различные административные структуры, не связанные между собой, курируют ее в соответствии с «отраслевым принципом» (внешняя политика или внутриполитическое развитие). Кавказ как «синтезированное направление» в российской политике отсутствует. В 2007 г. политика России по-прежнему оставалась реактивной (она не предугадывала события, а следовала за ними), а также подверженной чрезмерному влиянию пиара (особенно это касается Чечни).

Рассмотрение социально-политических тенденций на российском Северном Кавказе в 2007 г. было бы целесообразно начать с фиксации двух образов этого региона, мирно сосуществующих в нашем информационном пространстве.

2007 г.: «мирный Северный Кавказ»

Первый образ - это стремительно стабилизирующийся Кавказ. Это Северный Кавказ, где уже не существует сепаратистских де-факто государств. В ноябре 2007 г. самоликвидировалась Чеченская республика Ичкерия (главная угроза России в 1990-е гг.). Такой шаг стал первым прецедентом на постсоветском пространстве. В конце ноября 2007 г. на известном в исламистских и сепаратистских кругах веб-сайте «Кавказ-центр» появилось официальное заявление так называемого «Амира» Доку Умарова (считавшегося после гибели Абдул-Хакима Сайдулаева 17 июня 2006 года президентом «Чеченской республики Ичкерия»). В этом заявлении был провозглашен Кавказский эмират. При этом Умаров заявил, что сепаратистская Ичкерия будет существовать только как административно-территориальное образование в составе будущего Эмирата. Она станет одним из «вилайетов». Один из немногих оставшихся в живых полевых командиров Ичкерии фактически самостоятельно ликвидировал непризнанное образование, считавшееся в 1990-е гг. одним из главных вызовов для российской государственности на Северном Кавказе. Отныне Чеченская республика Ичкерия даже с точки зрения ее защитников и лидеров более не существует. У сепаратистов более нет ярких лидеров, а боевики планомерно уничтожаются. В сентябре 2007 г. был ликвидирован дагестанский полевой командир Раппани Халилов, подозреваемый в теракте в Каспийске 9 мая 2002 г., а также многочисленных диверсиях.

Первый образ Северного Кавказа - это Чечня, возглавляемая Героем России Рамзаном Кадыровым, человеком, явно симпатизирующим главе Российского государства и его преемнику. «Если мы хотим сохранить целостность России, если мы хотим, чтобы у нас была великая держава Россия, то должен быть президент Путин. Почему в Казахстане пожизненно можно быть президентом? Или в Туркменистане? Почему в России не может такого быть?» – вопрошал риторически глава Чечни. Сам Кадыров-младший не раз называл себя «человеком Путина». «Я не человек ФСБ, ГРУ, я человек Путина. Его политика, его слово (это к вопросу о возможности продвижения в Чечне «конституционного порядка» и формального права - С.М.) для меня закон. По его дороге мы пойдем. Путин спас наш народ, он герой. Не только нас он спас, он спас Россию. И как не преклоняться перед ним как перед человеком? Я никогда не лю-

бил говорить красивые слова перед кем-то, но Путин - дар божий, он подарил нам свободу». По мнению Рамзана Кадырова, любое кадровое решение Владимира Путина правильно *a priori* уже потому, что он знает, «какие люди с ним работают, знает, кто на что способен, знает, кто из политиков может продолжить начатые реформы и не дать России обратно скатиться в 90-е годы, когда царили хаос и беспредел». Что же касается Дмитрия Медведева, избранного президентом России на выборах 2 марта 2008 г., то, по словам президента Чечни, это «просто золотой, удивительный человек. И всегда держит свое слово». Кадыров стал первым региональным лидером в России, публично поддержавшим преемника Владимира Путина в декабре 2007 г.

Именно в 2007 г. в Чечне похищения людей уменьшились на порядок. Предоставим слово не чеченским республиканским чиновникам, а известной правозащитнице, руководителю Центра «Демос», не являющейся поклонником кадыровского управленческого стиля Татьяне Локшиной: «Здесь гораздо меньше похищают людей. В разы меньше. Честное слово. Ну, буквально пару-тройку человек в месяц. Вот, «Мемориал», который все это непрерывно считает, зафиксировал всего девять похищений с мая по август. И из этих девяти человек всего двое исчезли. Остальные нашлись тем или иным способом. Нет, «Мемориал», конечно, не все знает — какие-то похищения семьи предпочитают замалчивать — боятся, что только хуже будет. Но, так или иначе, если сравнить сегодняшнюю ситуацию с тем, что было год назад, так это просто праздник какой-то!» К этому можно добавить также высокие темпы восстановления Грозного в частности и Чечни в целом.

А вот как охарактеризовал ситуацию в соседней с Чечней Ингушетии первый зампред думского комитета по международным делам, заместитель главы российской делегации в ПАСЕ Леонид Слуцкий: «Обстановка в республике нормализуется, Ингушетия активно развивается, крепнет экономика, открываются новые предприятия. Особенно быстрыми темпами развивается ингушская стройиндустрия. Можно сказать, республика является одной большой строительной площадкой».

В этом же контексте можно вспомнить и высказывания бывшего полномочного представителя президента РФ в Южном федеральном округе (ЮФО) Дмитрия Козака, покинувшего свой пост из-за

повышения по службе – перехода на работу в качестве министра регионального развития в 2007 г. По мнению Дмитрия Козака, Кавказ стал стабильнее по сравнению с одной третью других российских территорий (без ответа, правда, осталось, почему же другие стали вдруг нестабильными). Тот же Козак сравнивал террористическую динамику на Юге России и во всем остальном мире (не в пользу, конечно, остального мира).

Доказательством того, что Северный Кавказ уже «не тот, что ранее», стали и результаты избирательных кампаний, имевших место в 2007 г. 11 марта 2007 г. в Дагестане прошли выборы в региональное Народное собрание. Выборы этого уровня состоялись одновременно в 14 регионах РФ. Эксперты назвали их «генеральной репетицией» думской декабрьской кампании. Эта репетиция в Дагестане обозначила тенденцию, доведенную до логического конца в декабре 2007 г. В Дагестане партия власти «Единая Россия» набрала 68,6% голосов, а явка превысила 80% (была самой высокой из 14 голосовавших регионов). Но самое главное – низкий процент голосов был отдан за коммунистов, традиционно имевших сильные позиции в республике. На выборах 11 марта их обошли представители «Справедливой России» и Аграрной партии. КПРФ-Дагестан не преодолела даже семипроцентный барьер. Между тем, в Дагестане Компартия традиционно пользовалась большим авторитетом. Коммунисты занимали более четверти мандатов в предыдущем созыве Народного собрания, а на выборах в Госдуму в декабре 2003 г. КПРФ, несмотря на административный ресурс власти, получила в республике 18,3% голосов.

2 декабря 2007 г. итоги выборов на Северном Кавказе и вовсе вызвали в памяти ассоциации советских времен, когда голосование за единый блок «коммунистов и беспартийных», говоря математическим языком, «стремилось к 100%». Самая маленькая республика РФ Ингушетия вместе с Чечней подарили по итогам последней кампании новый прецедент. В Ингушетии и в Чечне ни одна другая партия, кроме «Единой России», не набрала даже 1% голосов. В Кабардино-Балкарии при явке в 96,7% за правящую партию отдали свои голоса 96,12% (а за КПРФ – всего 1,72%). В Чечне 99,2% пришли к участкам, из них 99% поддержали «Единую Россию». Самая высокая явка в РФ была обеспечена именно в Чечне, пережившей две анти-сепаратистские кампании. В Дагестане результаты составили 91,44%

за «партию власти». В Карачаево-Черкесии (КЧР) за «Единую Россию» проголосовали 92,9% избирателей при 93%-ной явке. В городе Карачаевске (к которому принадлежит и курортная зона КЧР – Домбай и Теберда) результат также был близок к стопроцентному – 99,55%, а в Хабезском районе цифра и вовсе оказалась стопроцентной (и по явке, и по голосованию за «партию власти»).

При этом в Чечне параллельно с выборами в Государственную думу успешно прошел референдум по Конституции республики. По официальным данным, из 571 128 человек 553 161 избирателей проголосовали за изменения Конституции Чечни. Вопрос о том, что Конституция республики должна быть приведена в соответствие с реалиями после 2004 г. (когда была отменена выборность глав республик, краев и областей) поднимался руководством Чечни не единожды. Однако в начале 2007 г. эти предложения были суммированы и политически оформлены Рамзаном Кадыровым. 21 июня 2007 г. состоялось первое заседание Конституционной комиссии Чечни, давшей официальный старт конституционной реформе. Напомним, что Основной закон Чечни как субъекта РФ был принят на референдуме 23 марта 2003 г. Отсюда и потребность в новом плебисците. Уставы краев и областей России, а также Конституции других субъектов РФ принимались региональными парламентами, а не всенародным голосованием, поэтому для их пересмотра референдум не полагается. Чечня в этом плане занимает особое место. В 2003 г. принятие этой Конституции на референдуме рассматривалось как один из ключевых моментов в «чеченизации» региональной власти и управления. Фактически принятие Основного закона-2003 стало правовой легитимацией этой политики, а отец нынешнего президента республики Ахмад-Хаджи Кадыров рассматривался тогда как главный ее идеолог и проводник. Тогдашний Основной закон содержал много таких пунктов, которые президентские полпреды в федеральных округах стремились тщательно вымарывать в других региональных конституциях и уставах, приводя их «в соответствие с федеральным законодательством». Конституционный пакет Кадырова-младшего включал в себя поправки к 50-ти статьям. В тексте нового Основного закона особенно подчеркивается, что Чечня – это часть России. После 2 декабря 2007 г. Чеченская республика – это «демократическое правовое государство в составе

РФ». Ранее Чечня именовалась «демократическим социальным правовым государством с республиканской формой правления», российский элемент был выражен не столь ярко. Парламент республики становится после одобрения поправок однопалатным (что логично в условиях моноэтничного общества Чечни). В конце концов, от двухпалатного парламента отказались даже политэтнические республики Северного Кавказа. Количество депутатов сокращается с 61 до 41. Естественно, новая Конституция отразила такую инновацию, как фактическое назначение главы республики (формально это избрание его парламентом по представлению федерального президента). В новом варианте Конституции из перечня административных районов Чечни исключаются упоминания о Староюртовском, Галанчожском и Чеберлойском как фактически несуществующих. Однако принятые поправки далеко не исчерпываются списком, приведенным выше. Намного важнее в содержательном плане такие поправки к Основному закону Чечни, как продление конституционных полномочий для президента и парламента. С декабря 2007 г. президентская и парламентакая легислатуры продлеваются с четырех до пяти лет. Учитывая же тот факт, что парламента лоялен президенту республики и контролируется им абсолютно, равно как и вообще вся политическая жизнь внутри этого субъекта России, можно в скором будущем ожидать и других инициатив, в частности, пролонгации пребывания Рамзана Кадырова у власти. «Одновременно с этим могут быть введены и другие нормы, еще более укрепляющие режим единоличной власти в республике», - заявил в интервью вебсайту «Кавказский узел» местный политолог, пожелавший сохранить инкогнито.

В КЧР в декабре 2007 г. завершился долгоиграющий кризис вокруг структур местного самоуправления столичного города Черкесска. Этому способствовали прошедшие выборы в представительное учреждение республиканской столицы. Напомним, что своими корнями этот кризис уходит в 2004 г. Еще 7 декабря 2004 г. в рамках реализации закона о местном самоуправлении парламента КЧР наделил Черкесск статусом городского округа и определил его границы. А далее пошли правовые разночтения и споры (отягощенные борьбой властных группировок республики) по поводу сроков выборов в представительный орган столицы КЧР. 8 декабря 2007 г. со-

стоялось первое пленарное заседание новой городской думы. Муниципальные депутаты по его итогам назначили на 15 декабря 2007 г. выборы спикера Думы Черкесска, который одновременно будет исполнять обязанности и главы города

Таким образом, для власти (как федеральной, так и региональной) Северный Кавказ представляется как «замиренный край», территория без войны (об этом особенно часто любят говорить кремлевские пропагандисты применительно к Чечне). Поэтому в 2007 г. во время традиционных общений президента с народом и представителями СМИ кавказская тема фактически не поднималась. В данном случае речь идет о ее содержательном рассмотрении. Президент отметил высокую роль Рамзана Кадырова в «замирении Чечни», а также ответил на вопрос о возможном предоставлении льгот ополченцам Дагестана, отразившим вместе с российскими регулярными частями рейд Басаева-Хаттаба в 1999 г. Имидж «мирного Кавказа» особенно важен для Владимира Путина, который вошел во власть с обещаниями «мочить террористов в сортире», а передает власть преемнику, когда весь мир увидел трупы Басаева, Масхадова, Халилова.

2007 г.: Кавказ взрывоопасный

Однако описанный выше образ Северного Кавказа - не единственный. Существует и еще один, о котором не принято говорить на официальном уровне. Это Кавказ, в котором реализуется система «внутреннего колониализма», по образному выражению историка и журналиста Кирилла Кобрин. Управление российским Северным Кавказом сегодня вызывает в памяти либо «военно-народную систему» князя Барятинского по окончании Кавказской войны 1817-1864 гг., либо политику Ост-Индской кампании до восстания сипаев в 1857 г. Главная задача сегодняшней политики на Северном Кавказе - это демонстрация лояльности местных элит, реализуемая через обеспечение нужных результатов на выборах, а также посредством публичной поддержки любых действий высшей власти. Такая лояльность основана не столько на государственной, сколько на личной лояльности (личной унии) местных лидеров и представителей федеральной элиты. При такой политике не происходит реальной интеграции северокавказских территорий в общенациональное пространство — правовое, социокультурное, управленческое. Сама же лояльность оплачивается политическими привилегиями. Наиболее ярко

это было продемонстрировано в отношении Чечни. Именно в 2007 г/ Рамзан Кадыров, наконец, де-юре занял высший пост в республике (хотя еще до того претендовал на фактическое первенство).

Чечня стала единственным субъектом Российской Федерации, где изначально поддержанный Кремлем президент не смог выдержать до конца даже свою первую легислатуру. Алу Алханов, избранный на этот пост в августе 2004 г., не удержался на своем посту до 2008 г. и был снят с должности под беспрецедентно жестким давлением Рамзана Кадырова, занимавшего пост премьер-министра. Беспрецедентной для путинской России стала и информационная война Кадырова против Алханова (чего стоит изъятие тиража газеты, посвященной 50-летию юбилею тогдашнего президента республики или публичные обвинения Алханова в некомпетентности и разжигании религиозной розни). Как бы то ни было, именно в Чечне был осуществлен «мягкий переворот», публично поддержанный Кремлем. Только лидеры Чеченской Республики могут жестко и без обиняков обозначать свои экономические интересы. «Для Чечни нефть – главное средство доходов. Но 51% чеченской нефти принадлежит «Роснефти». Они знают, что у них контрольный пакет – львиная доля – и нас не спрашивают ни о чем. А вот если бы оставляли ту долю, что нам действительно необходима, это было бы огромной помощью для поднятия экономики республики. В Чечне обязательно нужно поднимать нефтегазовую отрасль, как это было раньше. И я буду добиваться этого во всех коридорах и кабинетах», – заявил Рамзан Кадыров 15 февраля 2007 г., сразу же после того, как стал и.о. президента Чечни. А менее чем за год до этого 21 марта 2006 г. парламент Чечни потребовал «изменить существующий механизм формирования и распределения прибыли от нефти, добываемой на территории республики». Помимо нефтяных требований, народные избранники тогда же выдвинули инициативу переоформить лицензию на право разработки недр Чечни предприятию «Грознефтегаз».

14 марта 2007 г. уже Президент Чечни Рамзан Кадыров договорился с заместителем директора Федеральной службы исполнения наказаний (ФСИН) Эдуардом Петрухиным о возвращении в республику чеченцев, отбывающих наказания в виде лишения свободы в различных исправительных учреждениях России. Таким образом, осужденные жители Чечни получают возможность отбывать заклю-

чение на своей малой родине. Что же касается «силовых структур» Чеченской Республики (полк имени Ахмада-Хаджи Кадырова, республиканская милиция), то они также пользуются известной автономией. Более того, по словам самого Рамзана Кадырова, в полку, названном в честь его отца, проходят службу амнистированные вчерашние боевики - их численность составляет около 90% от общего количества «кадыровцев». В 2007 г. можно вспомнить и о многочисленных случаях внешнеполитической активности чеченской республиканской элиты: претензии на открытие представительства в Абхазии и проч.

Но региональный партикуляризм – далеко не единственный вызов стабильности на Северном Кавказе. При более детальном анализе ситуации в той же Ингушетии или в Дагестане оказывается, что сама стабильность здесь под большим вопросом.

2007 г. станет в истории Северного Кавказа годом Ингушетии. Именно оттуда поступало самое большое в уходящем году количество горячих сводок. Только за одну неделю ноября там были убиты 5 представителей нетитульного населения (не говоря уже о злодейских убийствах семей русских учителей в июле и в августе 2007 г.). Нельзя сбрасывать со счетов и многочисленные «зачистки», в результате которых жертвами становились, как правило, непричастные к террористической деятельности люди, как это было с шестилетним мальчиком Рахимом Амриевым, погибшим во время спецоперации. Именно в Ингушетии в течение 2007 г. проходили массовые антиправительственные акции (митинг 24 ноября). А после декабрьских выборов-2007 именно в Ингушетии была организована инициатива «Я не голосовал», в которой приняло участие более 50 тыс. человек, открыто заявивших о своем неучастии во «всенародном голосовании». Между тем, буквально сразу же после образцово-показательного голосования на выборах в российскую Госдуму в Ингушетии произошли взрыв фугаса на пути следования военного патруля воинской части Минобороны РФ (5 декабря 2007 г. в Назрани) и вооруженное нападение на сотрудников правоохранительных структур (7 декабря 2007 г.).

25 июля 2007 г. распоряжением министра внутренних дел России Рашида Нургалиева на территории Ингушетии началась «специальная комплексно-профилактическая операция». 9 августа 2007 г. в республику были введены дополнительные подразделения внутренних

войск МВД РФ (около 2,5 тыс. военнослужащих и несколько десятков единиц бронетехники). И это притом, что помимо этого в Ингушетии, в станице Троицкой Сунженского района, располагается один из наиболее сильных полков Северо-Кавказского военного округа - 503-й мотострелковый полк 58-й армии. В задачу этого полка входит «усиление группировки МВД России на Северном Кавказе». 30 октября 2007 г. заместитель министра внутренних дел РФ Аркадий Еделев заявил о продлении «профилактической спецоперации» до выборов в Государственную думу 2 декабря 2007 г. А 22 января 2008 г. он же заявил, что милицейские спецоперации в Ингушетии будут продолжаться до марта, как минимум, до президентских выборов 2 марта 2008 г. Однако и этих мероприятий оказалось недостаточно. «Комплексно-профилактическую спецоперацию» МВД было решено усилить по линии российского ФСБ. 24 января 2008 г. в специальном обращении пресс-службы ФСБ по Ингушетии было сказано о том, что часть республики (некоторые районы Назрани, Магаса, станицы Нестеровская) будет объявлена зоной контртеррористической операции. Лишь 3 февраля 2008 г. Оперативный штаб в Ингушетии принял решение о прекращении этой операции, однако операция по линии МВД была продолжена.

В сегодняшней Ингушетии, в отличие от Чечни времен Дудаева и Масхадова, нет каких-либо сепаратистских структур, или параллельных органов власти, готовых осуществить сецессию республики. Существующее в республике экстремистское подполье объединяется на базе радикального исламизма, а не этнического национализма, считая главным своим противником не столько федеральный центр, сколько республиканскую власть. Вообще идея сецессии не стоит на повестке дня, как она не стояла весь постсоветский период. Ингуши, выступавшие за независимый от России Северный Кавказ, приняли участие как в строительстве де-факто государства Чеченская республика Ичкерия, так и в деятельности чеченских сепаратистских вооруженных формирований. В 1991 г. Ингушетия отделилась от Чечни во многом потому, что в массе своей жители республики не хотели национальной независимости. Даже в ходе осетино-ингушского конфликта 1992 г. ингушские политики отказались от помощи соседей из де-факто независимой Ичкерии. В самой Ингушетии до 2007 г. не было организованного сопротивления федеральным силам, хотя эксцессы нередко возникали. И даже в

2007-2008 гг. многие оппоненты действующей республиканской власти, а также правозащитники, выступают за усиление федерального присутствия в республике.

Следовательно, Москва ни в 2007 г., ни сегодня не видится как главный вызов значительной частью ингушского населения. Ее протесты направлены, прежде всего, на республиканскую власть, а затем уже на федеральный центр опосредованно, как на помощника и покровителя местных структур. В Ингушетии не существует и единого объединенного протестного движения вообще. На сегодняшний день мы можем условно определить два протестных потока. Первый - это правозащитники, активисты республиканских НПО. Основой для их протеста являются противоправные действия российских силовых структур, дислоцированных в Ингушетии. Вторым же протестным потоком является радикальное исламистское подполье. Именно с его деятельностью связана активизация диверсионно-террористической деятельности. При этом следует подчеркнуть, что мотивация радикальных исламистов различна. Среди тех, кто сегодня ведет активную вооруженную борьбу с подразделениями МВД и Министерства обороны, есть религиозно мотивированные деятели (хотя на сегодняшний день интеллектуальный центр радикального ислама находится в Дагестане, крупнейшей и наиболее населенной республике Северного Кавказа), представители республиканского криминалитета, использующие ислам для легитимации своей деятельности, а также фрустрированное население. Среди последних нередко попадаются жертвы неправовых действий силовиков.

Большую роль в формировании экстремистского подполья играют и общеполитические факторы. В начале 1990-х гг. Ингушетия надеялась на «территориальную реабилитацию», т.е. возвращение Пригородного района, переданного в 1944 г. соседней Северной Осетии после сталинской депортации ингушей. Однако этим надеждам не суждено было реализоваться. Более того, ожесточенный осетино-ингушский конфликт 1992 г., в котором за 5 дней было убито 478 человек и 840 ранено, привел к появлению в республике порядка 40 тыс. временно перемещенных лиц, чьи социальные проблемы годами не решались. План Владимира Путина – завершить их возвращение в места прежнего проживания к декабрю 2006 г. – так и не был полностью реализован.

Таким образом, среди причин роста экстремистского направления мы можем выделить следующие:

- утрата доверия власти, которая не смогла решить ни проблемы территориальной реабилитации, ни возвращения временно перемещенных лиц,
- разочарование в этническом национализме, т.к. приход во власть поборников идеи этнического самоопределения не принес решения проблем рядовых граждан,
- трансформация протестных действий из этнонационалистических в исламистские.

Однако два потока, правозащитный (лоялистский) и исламистский (экстремистский) в Ингушетии не пересекаются. Более того, правозащитники видят своим естественным союзником федеральную власть, в то время как боевиков считают вызовом не только для государства, но и для демократических ценностей. В конце ноября 2007 г. было подготовлено «Открытое письмо» представителей общественности республики к Президенту РФ, а также высшим должностным лицам Российского государства. Текст письма подписал 81 человек. «Шоком для всех стала серия убийств, в том числе представителей нетитульных национальностей – семей русских учителей Терехиной и Драганчук, главного врача станции переливания крови Натальи Мударовой, корейцев – отца и сына Лагай, дагестанских пастухов Булатова и Зуберова, цыганской семьи Люляковых – отца и двоих сыновей, семьи Кортиковых, Валентины Немовой, троих рабочих – Оськина В.Н., Понамарева В.Б. и Бутусова С.А., двух армянских железнодорожников – Аветисова С.А. и Хуршудяна В.С. Кем бы они ни совершались, эти преступления направлены на подрыв основ ингушской государственности, на дискредитацию ингушского народа и дестабилизацию ситуации в регионе. Эти убийства не только жестоки, но и труднообъяснимы – совершившие их не могут рассчитывать ни на что, кроме отвращения и негодования со стороны ингушей. Мы считаем, что непредвзятое расследование этих преступлений – дело чести народа Ингушетии. Мы хотим знать, кто устраивает подобные провокации в нашей республике, какие силы пытаются расшатать ситуацию, какие политические цели они преследуют, совершая столь жестокие и бессмысленные убийства мирных людей. Преступники должны быть наказаны

по всей строгости закона, кем бы они ни оказались, а правда о совершенных ими злодеяниях положит конец бродящим в народе слухам и домыслам». Между тем, сегодня значительная доля информации о преступлениях против русского населения Ингушетии поступает не столько от власти, сколько от правозащитных организаций этой республики, представителей которых нередко обличают как «неконструктивных оппозиционеров».

В то же самое время у правозащитников и федеральной власти существуют серьезные расхождения во взглядах и в подходах к разрешению кризиса. В Москве ситуация в Ингушетии рассматривается исключительно как угроза безопасности РФ, а весь социальный протест в республике сводится к террористической активности. Таким образом, проблема в значительной степени упрощается, сводится к черно-белому восприятию. А потому вся программа действий Москвы сводится всего лишь к двум пунктам. Первый - усиление военной составляющей в Ингушетии, т.е. ввод дополнительных подразделений. Второй - поддержка действующей власти и отказ от диалога с конструктивной оппозицией (понятное дело, речь не идет о диалоге с вчерашними соратниками Шамиля Басаева).

Ситуация в Дагестане в 2007 г. также не была спокойной и стабильной. Не обошлось без эксцессов в ходе выборов в региональный парламент в марте 2007 г. На лидера дагестанского отделения партии «Патриоты России» Эдуарда Хидирова было совершено покушение. Не обошлось и без перестрелок «политических оппонентов», и даже без митинга протеста сотрудников милиции против собственного министра! В январе 2007 г. началась предвыборная борьба с дагестанскими коммунистами. Тогда региональному подразделению КПРФ отказали в регистрации. И, несмотря на то, что впоследствии справедливость восторжествовала, и КПРФ к выборам допустили, 11 марта 2007 г. коммунисты не прошли семипроцентный барьер. По словам лидера российских коммунистов Геннадия Зюганова, оценивавшего итоги мартовской кампании, Дагестан «идет по пути Чечни, там идет настоящий политический погром».

Другой силой, по которой пришелся удар в Дагестане, стал Союз правых сил (СПС), который «отцепили» от участия в выборах. При этом лидер правового списка по Кизлярскому району Магомед Омармагомедов таинственно исчез 17 января 2007 г. 21 ноября 2007 г. уже в ходе думской избирательной кампании был убит лидер да-

гестанского отделения партии «Яблоко» Фарид Бабаев. После декабрьского же голосования за единый блок «единороссов и беспартийных» в Дагестане снова прошла череда громких политических убийств. 10 декабря 2007 г. был убит депутат Народного собрания Дагестана Газимагомед Магомедов. А 11 декабря в Махачкале был убит судья Верховного суда Дагестана Курбан Пашаев. Весьма красноречивой выглядит оценка ситуации в Дагестане, данная президентом республики Муху Алиевым. Отметив, что власть достигла серьезных успехов в деле стабилизации, дагестанский лидер в то же время зафиксировал, что «в некоторых населенных пунктах республики жители только и ждут прихода бандитов, чтобы свергнуть власть». Но каковы же причины такого ожидания? Низкая правовая культура? Криминальные инстинкты масс? Или же дело в массовой коррупции внутри власти? К сожалению, подобные вопросы сегодня не принято ставить. По словам Муху Алиева (кстати, без всякой иронии, искреннего человека и грамотного профессионального управленца), «о стабилизации общественно-политической ситуации говорит также то, что в республике за два последних года резко сократилось число террористических актов. Если в 2005 г. в Дагестане было совершено 47 терактов, в 2006 - 18, то в 2007 г. - всего один». Но разве политические убийства и покушения уже не принято считать терактами? В какую статистику занести убийство Бабаева, Пашаева, Магомедова, покушение на Хидирова - получается уже 4 случая? Увы, но даже профессионалы-управленцы в сегодняшних условиях стремятся к определенной лакировке действительности.

Говоря о Дагестане в 2007 г., следует особо отметить контртеррористическую операцию в селе Гимры. 10 декабря 2007 г. в Гимрах был убит экс-депутат Народного Собрания республики Газимагомед Магомедов. Это в известном смысле стало предпосылкой для начала операции. В Унцукульском районе и до того неоднократно проводились различные спецоперации против боевиков, которые в числе прочего пытались взорвать Гимринский тоннель. Однако последняя спецоперация выделяется в ряду других. По разным оценкам, в ней было задействовано больше тысячи силовиков, в том числе и из соседних регионов Южного федерального округа. Что касается информации, то ее поступление можно назвать дозированным. Что же касается реакции властей, то фактически свою интерпретацию событий дает республиканский уровень власти. Феде-

ральная власть предпочитает либо просто отмалчиваться, либо говорить об успехах, не видя «отдельных недостатков». По словам дагестанской журналистки Карины Гаджиевой, «ситуацию можно назвать беспрецедентной: в новейшей истории России, если исключить Чечню с ее особым режимом, не было случая, когда зоной проведения спецоперации объявлялся целый населенный пункт, с тремя с половиной тысячами человек». При этом ситуация в Гимрах не становится предметом серьезного анализа (вероятно, такой анализ ограничивается исключительно властными коридорами) даже в ходе визита в республику высших должностных лиц государства. В феврале 2008 г. Дагестан посетил Владимир Путин, на тот момент президент РФ. Вот как описала ситуацию с перемещением по республике Владимира Путина дагестанская журналистка Диана Алиева: «Ботлих является самым крупным населенным пунктом в горной части Дагестана. Его население составляет более 10 тысяч человек и расположен он вблизи административной границы республики с Чечней. Дороги, ведущие туда ненадежны из-за частых камнепадов, а еще вот уже второй месяц как приходится ездить в Ботлих объездным путем, тратя на это несколько часов, так как гимринский тоннель, прорытый прямо в горе, закрыт из-за осады одноименного села. В Гимрах ведется антитеррористическая операция, и дорога перекрыта блок-постами. Видимо, поэтому Владимир Путин выбрал воздушный вид транспорта. Военный вертолет летит из Махачкалы в Ботлих около часа».

И, наконец, говоря об итогах 2007 г. на Северном Кавказе, нельзя не упомянуть о ситуации в Ставропольском крае, хотя традиционно «русские регионы» не попадают в фокус экспертов по региону. Мартовские события 2007 г. (инцидент в Нефтекумске) снова привлекли интерес к проблеме южной и восточной частей Ставрополья, ставших в последние годы территорией активного заселения выходцев из северокавказских республик. Снова была поставлена проблема их интеграции, недопущения этнического оукливания и формирования регионального апартеида. События конца мая – начала июня 2007 г. в Ставрополе вызывали к жизни «призрак Кондопоги». Самая главная проблема, которую показал Ставрополь – это промедление власти в ходе этнически окрашенных столкновений, стремление приукрасить действительность, объяснить все «бытовым фактором».

Таким образом, можно констатировать, что в 2007 г. российский Кавказ вовсе не превратился в оазис мира, процветания и стабильности. Многие положительные изменения носят здесь поверхностный характер, поскольку они нацелены на решение тактических (а нередко и просто сиюминутных) проблем. Более того, эти позитивные изменения были нередко порождены пиаровскими соображениями, к тому же касались не столько всего населения, сколько административно-бюрократического аппарата. Многие же положительные тенденции куплены за непомерно высокую цену. Да, никто не спорит с тем, что снижение числа похищенных людей в Чечне – это прогресс. Но возможно ли его оплачивать ценой формирования фактически самостоятельного квазигосударства? Будет ли стабильна «ингушская стройплощадка» при росте числа терактов, диверсий и похищений? Стратегия развития региона, ориентированная на его долгосрочную интеграцию, так и не появилась в уходящем году. Зато 2007 г. снова жестко поставил дилемму и перед властью, и перед всем российским обществом. Если всем нам нужен Северный Кавказ, то этот регион требует серьезного федерального присутствия. И не только военного и политического, но, прежде всего, интеллектуального и эмоционального. В том смысле, что к этому региону нельзя безразлично относиться.

Южный Кавказ-2007: внутривполитическое измерение

Анализируя ситуацию на Южном Кавказе в 2007 г., трудно отделаться от ощущения промежуточного характера событий рассматриваемого периода. Однако именно в 2007-м были заложены и сформированы многие проблемные узлы, логическое разрешение которых в изобилии придется на год будущий.

В 2007-м в странах Южного Кавказа не было президентских выборов. И Грузия, и Армения, и Азербайджан «сосредотачивались» в преддверие выборов глав своих государств, намеченных на будущий год. Это «сосредоточение» проходило, надо сказать, с разной степенью интенсивности. В Грузии оно привело к столкновениям властей и оппозиции, переносу президентских выборов – переводу их в досрочный и, по сути, чрезвычайный формат. В Азербайджане и в Армении обошлось без повторения грузинских эксцессов, хотя и не без проблем и вызовов для действующей власти. В любом случае переход в внутривполитической ситуации в новое качество не было. Не счи-

тать же таковым «отход от демократии» в Грузии, о котором не писал разве только ленивый. В реальности же для Саакашвили демократия — это не цель, а эффективный инструмент. Демократия нужна Тбилиси для поиска внешней поддержки (без оной об Абхазии и Южной Осетии можно будет забыть), а для противников внутри страны необходимы ЧП, водометы и войска, обученные американскими «демократами» в форме национальных вооруженных сил этой страны. Не будь этого внешнего ограничителя, Саакашвили никогда не пошел бы на выборы 5 января 2008 г. Он довел бы дело до конца. Чего-чего, а последовательности ему не занимать. От «гроздыв гнева» не ушел бы никто. Но поскольку от Штатов зависит хотя бы приближение к кажущейся нам фантомной цели «единой Грузии», глава Грузии использует (и будет использовать) демократический инструмент.

Что Саакашвили действительно блестяще продемонстрировал (как технолог власти), так это умение приватизировать лозунги оппозиции. В 2005 г. это неплохо сделал Роберт Кочарян во время проведения конституционного референдума. В 2007 г. Саакашвили использовал ту же схему. Вы хотели развести парламентские и президентские выборы? Так получайте эту электоральную десинхронизацию. Сначала выбираем президента, а потом парламент! Участие России в событиях внутри Грузии было незначительным, поскольку за исключением фантомной фигуры Игоря Гиоргадзе (экс-министра национальной безопасности, находящегося в РФ) у Москвы нет сколько-нибудь влиятельных политических агентов. И власть, и оппозиция рассматривают российскую политику в Абхазии и в Южной Осетии как «аннексию грузинской территории», а потому ведут борьбу друг против друга, обвиняя противоположную сторону в симпатиях к Москве. Противостояние России в Грузии стало, таким образом, эффективным инструментом внутренней политики. Что же касается российского МИДа, то его реакция на события 7 ноября 2007 г. была вялой, фактически она свелась к обвинению Тбилиси в приверженности авторитарному стилю.

В Армении в мае 2007 г. прошла парламентская избирательная кампания. Однако практически во всех странах СНГ, за исключением разве что Украины и Молдовы, парламентские выборы носят подчиненный характер. Они - и последние выборы в российскую Государственную думу не стали исключением - фиксируют именно промежуточные результаты очередного избирательного цикла. В мае 2007

г. в Армении фактически официально был номинирован преемник на пост главы республики. Им стал глава партийного списка на выборах, премьер-министр Армении Серж Саркисян. Тогда же произошло его фактическое выдвижение на пост «главного союзника» России в Армении. Те же выборы зафиксировали и мощный протестный потенциал республики, и отсутствие единого лидера разношерстной оппозиции. В мае 2007 г. перед оппозицией Армении был поставлен жесткий выбор: или объединяться, делать политический ребрендинг, искать новые лица, либо оставаться в роли вечных неудачников, рассерженных маргиналов. В этом плане появление на политической арене «великого немого» Левона Тер-Петросяна, почти десятилетие державшего паузу, можно рассматривать как прямое следствие майских парламентских результатов. Уверенная победа власти на парламентских состязаниях подсказала, что только масштабные оппоненты могут теоретически иметь на что-то (например, на второй тур) хоть какие то шансы. Выход на внутривнутриполитическую арену Левона Тер-Петросяна для России стал одним из раздражителей. Первый президент Армении был фактически номинирован на роль антироссийского кандидата. Именно в 2007 г. был оформлен подход официального Кремля к предстоящим в феврале 2008 г. (выборы состоялись 19 февраля) выборам. Серж Саркисян стал рассматриваться как гарант сохранения стратегического партнерства Москвы и Еревана.

В 2007 г. Армения подарила и Южному Кавказу, и Евразии в целом новый прецедент. Первый глава государства, ушедший в отставку в 1998 г. и уже не единожды списанный со счетов, решил поучаствовать в борьбе за президентское кресло. Такого еще не было в постсоветской истории — Михаил Горбачев принимал участие в выборах главы РФ в 1996 г., не занимая пост российского президента, он был лидером СССР, другого государства. Этот прецедент был с опасением воспринят в Москве, где любые избирательные кампании на территории бывшего СССР примеряют на себя. Нарушение норм и правил «суверенной демократии» в Армении рассматривались как потенциальная «оранжевая угроза».

На фоне Грузии и Армении внутривнутриполитическая ситуация в Азербайджане кажется намного более стабильной. Ильхам Алиев уже не раз показал, что является не просто сыном великого отца, но и жестким и целеустремленным, эффективным политиком. Он в 2003 и в 2005 гг. продемонстрировал способность держать удар, когда в Баку

замаячил призрак «оранжевой революции» (сколько же автор настоящей статьи получал критики от западных коллег, особенно от парламентарных итальянцев, за нежелание признать перспективы за «оранжевым сценарием» в Баку!). Между тем в 2005 г. Алиев-младший сумел показать, что умеет не просто давить оппозицию, но и перехватывать ее лозунги. Вспомним хотя бы удар по своим штабам накануне ноябрьских парламентских выборов-2005. Сегодня такой призрак ни Алиеву лично, ни Азербайджану в целом не грозит. Однако перед азербайджанской властью возникли новые угрозы. Светская оппозиция деморализована, слаба. Как и в случае с Арменией и Грузией, в Азербайджане дефицит новых лиц, идей. Однако протестный потенциал в обществе есть - здесь и недовольство ситуацией вокруг Нагорного Карабаха, а также неприятие растущей вестернизации, социального расслоения, и как следствие - формирование несистемной исламистской оппозиции. 29 октября 2007 г. пресс-служба Министерства национальной безопасности (МНБ) Азербайджана распространила сообщение о предотвращении попытки терактов и провокаций, планировавшихся исламистскими группировками против ряда государственных структур и посольства США в Азербайджане. Тревожный симптом, который не следует воспринимать алармистски, но и не стоит сбрасывать со счетов. Вызов радикального ислама - та проблема, с которой в будущем столкнется лидер республики, которого изберут граждане Азербайджана в ноябре 2008 г. Между тем «зеленая» угроза гораздо более опасна для светского модернизирующегося Азербайджана, чем «оранжевая». Пока же сама власть пытается не дать оппозиции даже поставить патриотические лозунги как собственные приоритеты. Отсюда и недавнее заявление министра обороны Азербайджана Сафара Абиева о почти «стопроцентной возможности войны с Арменией», сделанное на саммите глав оборонных ведомств в Астане. Впрочем, по мере приближения ко дню президентских выборов патриотизм станет только расти, хотя его использование будет строго дозированным и инструментальным по сути.

«Замороженные конфликты»: прогресс почти не виден

Если же перейти от внутривнутриполитической динамики к геополитической ситуации, то и здесь 2007 г. не принес прорывов и изменений. Расчеты профессиональных оптимистов на то, что безвыборный год станет годом прорыва в урегулировании так называемых «заморожен-

ных конфликтов», провалились. Однако другого результата трудно было бы ожидать. Все дело в том, что сама методология и методика разрешения застарелых конфликтов базируется на заранее известных и определенных результатах. И Абхазия, и Нагорный Карабах, и Южная Осетия по замыслу «оптимистов» обречены стать частью территориально целостных Грузии и Азербайджана. Таким образом, мотивации для переговоров нет. Вместо поиска промежуточных вариантов, торга и компромисса де-факто государства Южного Кавказа просто загоняют под некие стандарты. Они под эти стандарты строиться не хотят. И все это на фоне косовского прецедента, который весь 2007 г. был в центре мировой политики. Хотя в 2007-м, как и в 2006-м, этот прецедент был отложен, в феврале 2008 г. он стал политической реальностью. Таким образом, 2007-й стал продолжением «балканизации» Южного Кавказа. Государства де-юре апеллируют к нерушимости границ, а де-факто образования - к необходимости этнического самоопределения. И все это на фоне «разморозки» этнополитических конфликтов. Под «разморозкой» в данном случае мы понимаем не только изменение «силового поля» в «горячих точках», но и стремление отказаться от политико-правового формата урегулирования конфликтов, достигнутого в начале 1990-х гг.

В 2007 г. грузинские власти предприняли такую креативную меру, как создание Временной администрации Южной Осетии - того, что в конце 2006 г. стало «альтернативной властью» Южной Осетии. Такой шаг отчасти можно рассматривать как признание Тбилиси феномена Южной Осетии. Еще вчера никто в Тбилиси и слышать ни о чем, кроме «Цхинвальского региона» и «бывшей Юго-Осетинской автономной области», не хотел. Однако такой прогресс, с привлечением к тбилисскому делу «своих» осетин - Дмитрия Санакоева, Майи Чигоевой, Владимира Санакоева, Теймураза Джерапова, Урузмага Каркусова и других, никоим образом не сочетается с отношением Тбилиси к Цхинвали. Здесь риторика Саакашвили жесткая донельзя. Кроме как «криминальный анклав» и «бандиты», других эпитетов Эдуард Кокойты и его команда не удостоиваются. Но фокус в том, что инкорпорирование Южной Осетии без диалога с Кокойты невозможно. За ним не только территория, но и симпатии осетинского населения, пусть и на основе негативной мобилизации.

А поскольку Грузия предпочитает диалог со «своими» (в абхазском случае ситуация хуже, поскольку власти Абхазии в изгнании

не имеют в своих рядах «правильных абхазов»), то де-факто государства на грузинской территории в 2007 г. еще сильнее сблизились с Россией. В декабре 2007 г., как никогда ранее, в ходе думских выборов российские СМИ и политики акцентировали внимание на создании избирательных участков и фактах голосования жителей Абхазии и Южной Осетии, имеющих российские паспорта. В 2007 г., в отличие от кампании 2003 и 1999 гг., участие осетин и абхазов в российской избирательной кампании официально (!) преподносилось как важное доказательство усиления российских позиций в СНГ. И результаты были соответствующими. 92% в Южной Осетии голосовали за «Единую Россию» - больше, чем было подано за эту партию голосов в Северной Осетии. Поможет ли такая «электоральная уния» России или создаст проблемы в разрешении конфликтов, мы увидим уже в самое ближайшее время. Тем паче, что с началом 2008 г. такая политика продолжилась. В марте 2008 г. Россия вышла из режима экономических санкций в отношении Абхазии, а в апреле 2008 г. Москва фактически пошла на признание прямых контактов с двумя де-факто государствами на территории Грузии.

«Большая игра» в отсутствие результата

В 2007 г. прозвучало важное для кавказской геополитики предложение Владимира Путина о совместной с США эксплуатации Габалинской радиолокационной станции (РЛС). Оно было знаменательно во многих отношениях. Фактически впервые после 1991 г. глава Российского государства предложил Соединенным Штатам сотрудничать в регионе бывшего СССР, притом, что Южный Кавказ еще вчера рассматривался Кремлем как территория, которая не может быть открыта для проникновения сюда нерегиональных игроков. Предложение не получило поддержки из-за океана, да, в общем, оно на это и не было нацелено. Однако российское руководство практически, хотя и в несколько закамуфлированном виде, признало, что Южный Кавказ перестал быть геополитической собственностью России и что сегодня эта территория является территорией конкуренции разных проектов. И эта конкуренция будет в дальнейшем только усиливаться. И от Москвы, равно как и от Вашингтона с Брюсселем, зависит, станет ли эта конкуренция цивилизованной или же перейдет (как это часто уже бывало) в процедуру бросания камней в стеклянном доме. В принципе «открытия

Америку» Путин не сделал. Однако важен сам факт констатации новых геополитических реалий на Южном Кавказе. Сегодня с российским проектом, который можно определить как стабилизационный, соперничают европейский и американский. И если основные элементы российского проекта для Кавказа не вербализованы (разве что известно неприятие Кремлем «цветных революций»), то действия США и Европейского союза гораздо в большей степени структурированы. В то же время можно сказать, что многие цели американского проекта («демократизация») или европейских идей («доброе соседство», освоение «Большого Черноморья») выглядят не слишком реалистичными, если не наивными. Однако все участники кавказской «большой игры» относятся с недоверием друг к другу (особенно США и РФ, в меньшей степени ЕС и Россия), не могут преодолеть стремление играть с нулевой суммой, хотя европейцы на словах такие подходы жестко критикуют. США и ЕС винят Россию в империализме, игнорируя при этом обусловленность безопасности РФ на Северном Кавказе обстоятельствами Южного Кавказа. А Россия видит в США «дестабилизатора» ситуации в Закавказье, хотя для Штатов этот регион - тыловой для Большого Ближнего Востока. В 2007 г. никаких принципиальных изменений в «большой игре» на Южном Кавказе не произошло. Для США Грузия осталась геополитическим партнером, несмотря на «отход от демократии». Россия же сохранила верность Армении.

Если начало 2007 г. сулило разрыв российско-азербайджанских отношений, по крайней мере, их серьезное охлаждение с двух сторон, то уже к весне 2007 г. стороны вышли на приемлемый уровень, хотя остались вопросы и взаимные претензии. Можно говорить также об усилении роли Азербайджана в ГУАМ, что показал саммит этой организации в Баку. Сегодня Баку нашел свою нишу в этой структуре. По части демократии Азербайджан вряд ли может конкурировать с Украиной или Молдовой. Но в то же время Баку стремится конвертировать свою растущую экономическую мощь, а также сырьевой фактор, в политическое влияние в структуре, которую можно назвать «Анти-СНГ». В 2007 г. такая конвертация вполне удалась. В 2007 г. и Ереван, несмотря на декларированную приверженность вековой российско-армянской дружбе, усилил свой западный вектор. 28 января 2007 г. в Ереване с большим размахом отмечался 15-летний юбилей создания армянской национальной армии. В сво-

ей торжественной речи, посвященной юбилею, министр обороны Армении Серж Саркисян, которого многие политики и эксперты прочат в преемники Роберта Кочаряна, обратил внимание не только на сотрудничество Армении с Россией и участие в проекте ОДКБ, но и на партнерские отношения его страны с Североатлантическим альянсом. По словам Саркисяна, «большое значение имеет сотрудничество с НАТО, результатом чего стала разработка и утверждение программы ИРАР (индивидуального плана действий партнерства - С.М.), где обрисован процесс сотрудничества на последующие десять лет. Сотрудничество способствовало модернизации армии и внедрению международного опыта, и ныне этот процесс продолжается. И все усилия направлены на оборонные реформы. Боеспособность армии заметна на проводимых каждый год военных учениях, где проявляется коэффициент вероятности победы на войне». Армения, находясь в условиях блокады со стороны Турции и Азербайджана и не имея со стратегическим союзником Россией общих границ, объективно заинтересована в конструктивных отношениях не только с Москвой, но и с Вашингтоном и Брюсселем.

Таким образом, 2007-й не принес на Южный Кавказ серьезных прорывов. Однако именно в этом году были заложены и сформированы многие проблемные узлы, логическое разрешение которых в изобилии придется на 2008 г. Южный Кавказ в 2008 г. вступил в период президентских выборов. Первой начала Грузия (5 января 2008 г.), затем последовал черед Армении (февраль 2008 г.) и Азербайджана (ноябрь 2008 г.). В 2008 г. президентские выборы состоятся в России и в США, двух активных участников кавказской «Большой игры». Следовательно, у аналитиков будет много работы по подведению итогов тех процессов, промежуточные результаты которых были обозначены в 2007 г.